

Впервые на русском языке в издательстве «АСТ» выходит знаменитый «искусствоведческий детектив» Йена Пирса, которого критики часто называют британским Умберто Эно. «Загадка Рафаэля» — первая интеллектуальная шарада автора «Сна Сципиона» и «Перста указующего», которые уже изданы в России. Сюжет строится вокруг неизвестной картины Рафаэля. Предположение молодого английского ученого, что под полотном Мантинни находится уникальная работа Рафаэля, сталкивает его с опасным миром торговцев фальшивыми раритетами и крадеными экспонатами и едва не стоит герою жизни.

Колокола церкви Святого Игнасия пробили семь раз, когда генерал Таддео Боттандо начал подниматься по лестнице, рассматривая конфискованные картины, висевшие на стенах. Как обычно, Таддео пришел пораньше — он любил посидеть перед началом работы в баре на противоположной стороне площади, выпить пару чашечек кофе эспрессо и съесть любимый бутерброд со свежей ветчиной. Завсегдатаи бара встретили Таддео как своего, но достаточно сдержанно: лаконичные приветствия, дружеские кивки и ни малейшей попытки завязать беседу — в Риме, как и в любом другом городе, человеку нужно время, чтобы окончательно отойти ото сна, и его следует провести в одиночестве.

Продлав ежеутренний ритуал, Таддео пересек мощенную булыжником площадь, вошел в свой офис и, тяжело дыша и часто останавливаясь, начал трудный подъем по лестнице. «Нет, это вовсе не потому, что я толстый», — утешал он себя. — Последний раз я перешивал форму несколько лет назад. Конечно, я выгляжу внушительно, вернее, представительно. Наверное, мне следует отказаться от еды, сигарет и заняться гимнастикой. Но если лишиться себя всех удовольствий, то зачем жить? Да и вообще, поддерживать спортивную форму нужно смолodu, а не когда тебе под шестьдесят. В моем возрасте подобные эксперименты не доводят до добра».

Он остановился рассматривать новую работу, появившуюся на стене, но больше для того, чтобы втайне даже от самого себя передохнуть и отдышаться. Небольшой рисунок... кажется, Джентилеччи... по крайней мере на первый взгляд. Очень милый. Жаль, что после суда придется вернуть его законным владельцам. Но пока будет длиться следствие, он еще поживит. Лишь постоянное обилие с искусством служило Таддео вознаграждением за неблагодарную должность начальника Национального управления по борьбе с кражами произведений искусства. В тех редких случаях, когда ему удавалось найти украденную вещь, она почти всегда оказывалась по-настоящему ценной.

— Симпатичный рисунок, правда? Кто-то подошел к нему сюда, а Таддео и не заметил. Усилием воли он окончательно восстановил сбившееся дыхание и обернулся. Такая женщина, как Флавия ди Стефано, по твердому убеждению Боттандо, могла родиться только под небом Италии. Любая итальянская женщина чувствует себя немного виноватой, отказываясь от роли домохозяйки, и, словно в оправдание, работает вдвое старательнее и эффективнее любого мужчины. По этой причине в ведомстве Боттандо на восемь женщин приходилось только двое мужчин. Кстати, именно поэтому завистливые коллеги из других отделений полиции дали его управлению дурацкое прозвище. Но «бордель Боттандо» в отличие от некоторых других приносит хоть какие-то результаты, мстительно напоминая завистникам Таддео.

Генерал одарил девушку благожелательным взглядом. Иди женщину — он был уже в том возрасте, когда любая женщина моложе тридцати кажется девушкой. Боттандо нравилась Флавия, хотя она и держалась с ним без должного почтения, соответствующего его положению, возрасту и жизненному опыту. В то время как большинство его коллег всегда были деликатны и не позволяли себе замечаний относительно его солидной фигуры, Флавия без малейшего стеснения шутило звала его «старой бочкой». Кроме того, она носила исключительно джинсы и свитеры, чтобы никто не принял ее за женщину-полицейского или, что еще хуже, за деловую женщину. В остальном она была почти идеальной помощницей.

Флавия ответила шефу сияющей улыбкой. За несколько лет совместной работы с генералом она многому научилась, в основном благодаря тому, что Боттандо разрешал ей делать ошибки, а потом самой же их исправлять. Он был не из тех начальников, кто смотрит на подчиненных как на стадо баранов, любым из которых в случае неприятностей можно пожертвовать. Напротив, генерал испытывал даже некоторую гордость, занимаясь лишь общим руководством и предоставляя подчиненным значительную — естественно, неофициально — самостоятельность в действиях. Флавия больше чем кто-либо приветствовала такую свободу и стала отличным специалистом во всех областях, за исключением определения авторства картин.

Звонили карабинеры с Кампо-дей-Фьори. Они кого-то задержали и хотят привести к нам, — сообщила Флавия. — Говорят, взяли его сегодня ночью при попытке проникнуть в церковь. Он рассказывал им странную историю, и они полагают, это по нашей части.

Резкий акцент, белая кожа и светлые волосы выдавали в ней уроженку северо-западной Италии. И даже если бы Флавия не была красавицей — а она ею была! — в Риме, где натуральные блондинки практически не встречаются, она все равно не осталась бы незамеченной. Боттандо принял ее на работу, когда она училась на последнем курсе Туринского университета; получив приглашение работать в Риме, Флавия бросила учебу. Правда, она все время твердила, что обязательно окончит университет, и даже использовала это как повод для сокращенного рабочего дня, но Боттандо не верил, что ей удастся получить диплом — слишком уж много сил Флавия отдавала работе.

— Тебе объяснили, в чем дело?
— Нет. Что-то связанное с картиной. Им показалось, парень слегка не в себе.
— На каком языке он говорит?
— На английском и немного на итальянском. Не знаю, правда, насколько хорошо.
— Значит, допрашивать его будешь ты — сама знаешь, какой из меня полиглот. Дай знать, если будет что-нибудь интересное.

Флавия шутило отсалтовала, приложив два пальца к небрежно спадавшей к виску челке, и они разошлись по своим рабочим местам: она — в тесную комнату, которую вместе с ней делили еще три сотрудника, генерал — в просторный кабинет на третьем этаже, роскошно убранный крадеными произведениями искусства.

Усевшись в кресло, Боттандо начал просматривать утреннюю почту, лежавшую аккуратной стопкой на

Арестованный, некий Джонатан Аргайл, объяснил следователю, что забрался в церковь не переночевать, а рассмотреть картину Рафаэля

столе. Обычная чепуха. Он печально покачал головой, тяжело вздохнул и смел всю стопку в мусорную корзину.

Через два дня он обнаружил у себя на столе пухлую папку. В ней находились материалы допроса арестанта, доставленного карабинерами. Судя по объему папки, Флавия, как всегда, подошла к делу добросовестно. Сверху Боттандо заметил небольшую приписку: «Думаю, вам это будет интересно. Ф.». По правилам допрос должен был вести полицейский, но Флавия начала задавать вопросы на английском и полностью завладела инициативой. Изучив несколько страниц, Боттандо пришел к выводу, что арестованный вполне сносно изъяснялся по-итальянски, но полицейский оказался настолько туп, что умудрился не заметить этого и, похоже, упустил все самое важное.

Документ представлял собой сжатое изложение допроса, копию которого обычно отправляют в прокуратуру, когда полиция находит в деле состав преступления. Боттандо вышел в коридор и налил себе из автомата чашечку эспрессо — за многие годы он настолько привык к нему, что даже перед сном принимал обязательную порцию кофеина. Вернувшись в кабинет, генерал закинул ноги на стол и приступил к чтению.

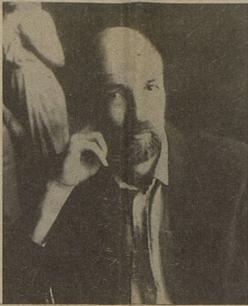
Первые несколько страниц не содержали ничего интересного — англичанин, двадцать восемь лет, студент последнего курса. В Рим приехал на выходные, был задержан за бражничество при попытке устроиться на ночлег в церкви Святой Варвары на Кампо-дей-Фьори. Приходской священник, осмотрев церковь, сообщил, что ничего не пропало и не повреждено.

Все это заняло пять страниц, и Боттандо уже начал недоумевать, почему карабинеры арестовали несчастного англичанина и доставили к нему в управление. В том, что он хотел переночевать в храме, не было ничего необычного. В летние месяцы спящего иностранца можно обнаружить на каждой скамейке, под каждым деревом — у кого-то нет денег, кто-то слишком пьян или накачан наркотиками, чтобы добраться до своего отеля, но, как правило, людям приходится ночевать под открытым небом просто потому, что в отеле нет свободных мест — все забито до отказа.

Перевернув очередную страницу, Боттандо наконец заинтересовался. Арестованный, некий Джонатан Аргайл, объяснил следователю, что забрался в церковь не переночевать, а рассмотреть картину Рафаэля над алтарем. Более того, молодой человек требовал принять у него заявление о каком-то грандиозном мошенничестве.

Боттандо оторвался от чтения. Рафаэль? Юноша явно не в себе. Боттандо плохо помнил церковь Святой Варвары, но точно знал местонахождение всех картин Рафаэля в стране. И если бы в церкви Святой Варвары находился хотя бы крошечный рисунок Рафаэля, он бы знал об этом. Генерал подошел к компьютеру и включил его. Когда машина с шорохом и стоном загрузилась, он открыл каталог произведений искусства, представляющих потенциальный интерес для грабителей. Набрал «Рим» и на предложение детализировать вопрос добавил: «церковь Святой Варвары». Компьютер немедленно выдал ответ, что там имеется шесть предметов, представляющих цен-

ность для грабителей, — три серебряные вещицы, Библия семнадцатого века в переплете из тисненой кожи и две картины — конечно же не Рафаэля. По большому счету в этой церкви вообще ничего красть, потому что продать картину с изображением распятия Христа размером шесть на девять футов какого-то второразрядного римского художника прак-

Детектив. Холст, масло

Британец Йен Пирс получил историческое образование и поначалу занимался историей искусств, потом работал консультантом на телевидении, корреспондентом агентства Reuters в Англии, Франции, Италии и США. Его перу принадлежит множество работ по истории искусства, однако настоящую славу ему принес первый художественный роман об искусствоведке Джонатане Аргайле и сотруднице полиции Флавии — «Загадка Рафаэля». За ним последовало еще полдюжины книг, переведенных на множество иностранных языков и ставших бестселлерами не только в Европе, но и в США.

По всей видимости, картину подменили; ди Парма получили деньги за Рафаэля, но в Англию была доставлена подделка

тически невозможно. Вторая картина, расположенная над алтарем, — «Отдых на пути в Египет» великоленого в своей урядности Карло Мантинни, творившего в восемнадцатом веке, — тоже с трудом нашла бы своего покупателя.

Боттандо вернулся к рабочему столу и прочитал еще несколько строчек отчета, уверенный, что подслушав ему этот документ,

Флавия хотела лишний раз продемонстрировать глупость человеческой природы. Она любила порассуждать на эту тему, особенно когда речь заходила о коллекционерах. Несколько раз с ним поступали заявления от заграничных коллекционеров, у которых было гораздо больше денег, чем здравого смысла, о пропавших работах Микеланджело, Тициана, Караваджо и других знаменитостей. Управление Боттандо неизменно отказывало им в розсыжных мероприятиях, ограничиваясь отпиской, что не занимается подделками, и рекомендовало обратиться в местную полицию. Это была маленькая месть Боттандо скупщикам краденого, потому что заводить на них дело не имело смысла: похищенные у них работы, как правило, не стоили тех денег, в которые могло вылиться расследование, международный ордер на арест, экстрадиция и судебные издержки. Он считал, что страдания и унижение, которые будет испытывать коллекционер, узнав об обмане, послужат ему достаточным наказанием.

Может быть, этот документ на пятидесяти пяти страницах — всего лишь плод галлюцинаций слабоумного иностранца, убедившего себя в том, что можно в одночасье разбогатеть? Белло пробежав глазами страницу до конца, Боттандо отбросил эту мысль. Быстрый обмен вопросами и ответами плавно перешел в связанное повествование, которое действительно оказалось весьма занимательным.

«...начал собирать материал для диссертации о Мантинни и обнаружил множество документов, неопровержимо доказывающих, что в двадцатые годы восемнадцатого столетия он зарабатывал тем, что писал копии для торговцев картинами и однажды стал действующим лицом грандиозной аферы. Вы, наверное, думаете, что запрет на вывоз произведений искусства — избобретение нашего времени? Ничего подобного: в восемнадцатом веке существовали такие же строгие ограничения, более того, некоторые из них были введены еще в шестнадцатом веке, а к восемнадцатому обрели уже статус закона. Папское государство беднело, в страну хлынул поток иностранцев, желающих скушать по дешевке шедевры старых итальянских мастеров. Они придумали множество способов обойти закон. Самым простым и распространенным был подкуп чиновников. Иногда картину приписывали какому-нибудь неизвестному художнику, а затем, получив лицензию на вывоз, подтерждали у специалистов истинное авторство. Иногда дельцы от искусства шли на крайнюю меру: разрезали холст на куски, в таком виде переправляли в Лондон или Париж, а там уже возвращали полотна первоначальный вид.

Сложнее всего было вывезти из страны полотна великих мастеров. Полагаю, это и сейчас так. В наибольшей степени это относится к великому триумвирату Возрождения: Рафаэлю, Микеланджело и Леонардо. Несколько раз коллекционеры приобретали карти-

ны этих художников и просили у папства разрешения на вывоз, но неизменно получали категорический отказ. Многие из купленных иностранцами картин так и остались в Италии. Поэтому, когда семейство ди Парма решило продать свое главное достояние, им пришлось прибегнуть к мошенничеству, чтобы получить за него настоящую цену.

В восемнадцатом веке семейство ди Парма было одним из самых влиятельных в центральной Италии, но и для них настали трудные времена. Когда граф Кломортон обратился к ним с просьбой продать Рафаэля и предложил за картину огромную сумму, они согласились. Некий дельец по имени Сэмюэль Перис взялся вывезти картину из Италии и обратился за помощью к Мантинни.

Их план был прост, как все генеральное: Мантинни пишет картину поверх холста Рафаэля, и в таком виде она покидает страну.

В Англию картину Рафаэля восстанавливают, и она занимает отведенное ей место в коллекции графа. Я предполагаю, что Мантинни покрыв картину Рафаэля защитным слоем и при написании нового изображения использовал только краски, легко поддающиеся удалению.

Конечно, я не знаю многих технических подробностей, но уверен: именно так все и было. В архиве Кломортон есть письмо от Периса, в котором он заверяет графа, что Мантинни писал картину поверх Рафаэля под его личным присмотром. Тем не менее шедевр так и не попал в галерею Кломортонна.

На одной из стадий дело сорвалось, не знаю уж, намеренно или случайно. По всей видимости, картину подменили; ди Парма получили деньги за Рафаэля, но в Англию была доставлена подделка, под верхним слоем которой не оказалось Рафаэля. Когда вскрылся обман, граф не выдержал удара и умер. Больше в семье об этом деле не упоминалось.

Итак, мы имеем: картина Рафаэля действительно была скрыта под изображением Мантинни — это видел Перис; она так и не попала в Англию, но в то же время исчезла из коллекции ди Парма. И еще: в переписи имущества ди Парма от 1728 года называется картина Мантинни, в то время как четырьмя годами ранее о ней нет ни слова.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что картина Рафаэля осталась в Италии, скрытая под изображением Мантинни. Правда, непонятно, почему ди Парма не восстановили произведение мастера. Как бы там ни было, Мантинни остался в коллекции и, очевидно, шенился в семье столь мало, что в шестидесятые годы девятнадцатого века она подарила картину церкви Святой Варвары в качестве надлтарного изображения.

Впервые я увидел эту картину год назад, когда только начинал работать над диссертацией. Затем, узнав, что под ней может скрываться Рафаэль, я вернулся проверить свою догадку, но картина исчезла. Какой-то проходимец увел ее у меня из-под носа».

Досада арестованного, пробиравшаяся даже сквозь официальный стиль протокола, была понятна Боттандо. Мало того, что от парня ускользнула возможность сделать величайшее открытие в мире искусства, так еще и арестовали как какого-нибудь бродягу. Конечно, если допустить, что это действительно величайшее открытие. В любом случае, если картина исчезла, нужно этим делом заняться. Боттандо никогда не упустил случая прогуляться по Риму, поэтому спустился на второй этаж, позвал Флавию, и вместе они отправились к церкви Святой Варвары.

«Одним из преимуществ нашей работы, — размышлял Боттандо дорогой, — является возможность жить в Риме». Он родился в маленьком городке, но, прожив в Риме тридцать лет, считал себя настоящим римлянином. Прежде он служил в Милане и был недоволен не столько работой, сколько самим городом — считал его бездульным и бесцветным.

Но в один прекрасный день Боттандо получил новое назначение — его пригласили в Рим возглавить управление по борьбе с кражами произведений искусства, которые на тот момент стали настоящим бедствием для Италии. Образованию управления предшествовала пропавшая двенадцать знаменитых полотен из лучшей коллекции в мире — коллекция герцога Салернского — музея страны. Полицейские, как обычно, не знали, с какого конца подступиться к расследованию. У них не было связей в мире искусства, они не знали потенциальных заказчиков и не имели никаких зацепок для начала поиска.

В стране, где любовь к искусству — черта национального характера, дело прозрело перераста в политический скандал. Небольшие партии в правящей коалиции стали выступать с речами о защите национального наследия от алчных иностранцев, стремясь этим пошатнуть ряды более многочисленной партии христианских демократов. В какой-то момент даже показалось, что социалисты выйдут из коалиции, правительство подаст в отставку и благодаря любви к искусству страна возьмет новый политический курс.

Но ничего этого не случилось. Полиция углядела в ситуации возможность разрастись до размеров своего вечного соперника — карабинерии и предложила объявить борьбу с кражами произведений искусства общенациональной задачей. Министр внутренних дел поддержал предложение, организовал новое управление и на должность начальника пригласил Боттандо, который в то время вел неравную и заранее проигранную борьбу с преступниками в белых воротничках, возглавлявшими в финансовых кругах Милана.

Перевод в Рим стал одним из самых радостных событий в карьере Боттандо. Все вечера напролет он бродил по улицам древнего города, любящая достопримечательностями, посещал величественные развалины Императорского форума, наслаждался тишиной и умиротворением средневековых храмов, восхищался экстрагантными памятниками барокко. Он мог бродить сколько хотел и наслаждался своей статусом холостяка, даривший ему такую свободу.

Вот и сейчас, шагая рядом с Флавией, Боттандо постоянно смотрел по сторонам и повел ее к церкви Святой Варвары кружным путем — дело, по которому они шли, было не особенно срочным, и лишние пять минут не имели значения. Стояла ранняя весна, светило утреннее солнце, и просыпающийся Рим, несмотря на дорожные пробки, мусор и шум толпы, казался Боттандо волшебным местом. Желтые здания упирались в чистое голубое небо, из открытых дверей баров и ресторанов неслись изумительные ароматы кофе и готовящейся еды, без умокля ботлающие официанты в безупречно чистых рубашках выносили на улицу столики, расстилали на них хрустящие белые скатерти и расставляли миниатюрные вазы с цветами. В поле зрения Боттандо попадали несколько туристов, как всегда, утомленных и в своей обычной униформе — мятая одежда и рюкзаки за спиной. К счастью, туристов в это время года еще немного, основной наплыв начнется лишь через несколько недель. А пока Рим принадлежал только римлянам, и Боттандо чувствовал себя в нем как в раю.

Загадка Рафаэля

Йен Пирс

РИСУНОК: АНЖЕЛ КУМАНОВ